

ЧУВСТВО И ДЕЙСТВИЕ

Театр дооктябрьской эпохи отождествлял в значительнейшей мере амплуа романтического актера с театральным штампом «первого любовника». Это был актер стройного телосложения, с неестественными жеманствами, актер дурной чувствительности и ложного благородства. Конечно, амплуа романтического актера этой категорией «любовника» не исчерпывался. Наиболее блестящие и социально насыщенные страницы в истории мирового театра вписаны величайшими актерами-трагиками, которые очень часто исполняли и роли романтического репертуара. Дореволюционный театр знал только романтический протест против существующих общественных условий. Организуя, призывающей, поднимающей на великие дела романтики этот театр не знал.

Романтический актер в нашем понимании воплощает идеи, насыщенные огромным действенным пафосом. Он зовет зрительный зал к борьбе во имя будущего.

«Бытовщина», укоренившаяся в некоторых наших театрах, препятствовала утверждению романтического амплуа на советской сцене.

Наша героическая эпоха еще не создала своего романтического акте-

ра, не создала и репертуара, который дал бы возможность романтическому актеру заговорить «во весь голос» со сцены.

В итоге кое-кто начал говорить об отмирании у нас самого амплуа романтического актера. Это неправда. Романтические актеры есть, но они обречены на бездеятельность. В поисках романтизма театры часто обращаются к классицизму. Но это не выход. Играв классическую роль в классическом спектакле, мы, актеры, остаемся современниками нашей эпохи. И пьесы Шекспира, Бен-Джонсона, Шиллера, Островского и др. мы стремимся перевести на язык современных понятий и чувств. Это задача неблагодарная и чаще всего обреченная на неудачу. Классический репертуар надо играть в его исторической конкретности (не отказываясь, конечно, от задач самостоятельной трактовки). Но о своем времени и со своим зрителем мы хотим говорить своими словами, словами советских романтических пьес.

Отдельные попытки создания романтических пьес были в нашей драматургии. Но это пока только попытки, не увенчавшиеся серьезными успехами.

В пьесе «Мстислав Удалой» автор по-настоящему полюбил пулеметчика Степку только после мастерского исполнения этой роли актером Петровым в театре Красной армии. Иначе автор в тексте пьесы дал бы ему больше слов и сделал бы их более выразительными. Степка стал самостоятельным образом не в силу замысла драматурга, а лишь благодаря проникновенной игре актера.

«Оптимистическая трагедия» слишком схематична. Это снижает степень ее романтического воздействия. «Улица радости» слишком сентиментальна. Это мелодрама с интересными драматическими эпизодами, но лишняя юмора, но лишняя самого главного — патетического звучания.

Не так давно я сыграл роль Ваграма в «Вагровой ночи» Первомайского. Автор пьесы дал здесь в подлинном смысле слова романтическую коллизию. Мне хотелось показать революционера, в котором чувство и воля выражены в пафосе революционного действия. Раньше романтические актеры на сцене больше чувствовали — любили, страдали, размышляли, рефлектировали. Теперь же настало время для романтического действия на театральной сцене.